

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10522

Пасхальные рассказы А. И. Куприна

М. А. Жиркова

*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
(г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация)*

e-mail: manp@mail.ru

Аннотация. Пасхальные мотивы проходят через все творчество Куприна и отражают тенденции, характерные для развития пасхального жанра в русской литературе в целом. Ранние рассказы указывают на кризис жанра: «Бонза» противоречит пасхальному канону; ирония появляется в рассказах «По заказу», «Мой паспорт», «По-семейному», «Травка». В них присутствуют обязательные элементы жанра: приуроченность к Пасхе, особое праздничное настроение, умиление и растроганность, душевное обновление героев. В некоторых рассказах 1911–1916 гг.: «Пасхальные яйца», «Святая ложь», «Папаша» — появляется комическое звучание: усиливается сатира, а ирония переходит в сарказм. Традиционные сюжеты пасхальных историй кажутся банальными, а потому фальшивыми и наигранными, и выглядят, скорее, как пародия на жанр. В эмиграции писатель вновь обращается к пасхальному жанру: пишет рассказы «Московская Пасха» и «Пасхальные колокола». Просветление и преображение, которое несет Пасха, нужны самому автору, творчество становится спасением, приносящим свет и радость тоскующему вдали от Родины писателю. Воспоминания о детстве или юности являются сюжетной основой большинства пасхальных рассказов. Ведь в ребенке еще долго сохраняется наивная и искренняя вера в чудо, он очень остро испытывает и переживает ту радость, которую несет с собой праздник, тогда как взрослый человек со временем теряет эту детскую веру в чудо, опустошенная жизнью, очерствевая душа становится холодной и неподвижной. Воспоминания могут быть разными, не всегда радостными и счастливыми, но именно переживание этих воспоминаний, погружение в прошлое создают особое праздничное настроение, способствуют духовному очищению и преображению.

Ключевые слова: Куприн, жанр, мотив, сюжет, пасхальный рассказ, кризис жанра, ирония, сатира

Для цитирования: Жиркова М. А. Пасхальные рассказы А. И. Куприна // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 275–295. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10522

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10522

Easter Short Stories by A. I. Kuprin

Marina A. Zhirkova

*Pushkin Leningrad State University
(Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation)*

e-mail: manp@mail.ru

Abstract. Easter motifs permeate all of Kuprin's work and reflect the trends characteristic of the development of the Easter genre in Russian literature as a whole. Early short stories point to the crisis of the genre: "Bonze" contradicts the Easter canon; irony appears in the stories "By order", "My passport", "Family style", "Grass." They contain mandatory elements of the genre: are timed to Easter, possess a special festive mood, tenderness and emotion, and display a spiritual renewal of the characters. In some of the short stories written in 1911–1916 ("Easter Eggs", "Holy Lies", "Daddy") a comic component appears: satire intensifies, and irony turns into sarcasm. Traditional Easter plots seem banal, and therefore fake and feigned, resembling a parody of the genre. In exile, the writer again turns to the Easter genre: he writes "Moscow Easter" and "Easter Bells." The author himself craves the enlightenment and transformation that Easter brings, creativity becomes salvation, bringing light and joy to the writer who is longing far from his homeland. Memories of childhood or youth become the basis of most Easter short story plots. After all, a naive and sincere belief in miracles persists in children for a long time, they very keenly experience the joy that this holiday brings with it, while adults eventually lose this childish faith in miracles, and their life-drained, hardened souls become cold and still. Memories can be different, they are not always joyful or happy, but it is the experience of these memories, the immersion in the past that creates a special festive mood and promotes spiritual purification and transformation.

Keywords: Kuprin, genre, motif, plot, Easter short story, genre crisis, irony, satire

For citation: Zhirkova M. A. Easter Short Stories by A. I. Kuprin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 1, pp. 275–295. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10522 (In Russ.)

Пасхальные рассказы, наряду с рождественскими и святочными, относятся к календарной прозе, которую один из известных исследователей определяет как произведения, «спровоцированные» временем и «сюжетно» с ним связанные, а также обладающие «определенной содержательной наполненностью»: «Повествовательные тексты, которые исполняются в течение календарного праздника и сюжет которых разворачивается во время того же самого праздника, и называются календарными» [Душечкина: 6, 10]. О жанре пасхального рассказа писали многие исследователи (см., например: [Баран], [Есаулов], [Захаров], [Николаева], [Козина]), но творчество А. И. Куприна пока остается в этом плане мало изученным, исключение составляют монография О. Н. Калениченко [Калениченко] и статьи Д. А. Завельской [Завельская] и С. А. Ташлыкова [Ташлыков], в которых в том числе указаны отдельные пасхальные рассказы писателя.

В. Н. Захаров говорит о глубоком влиянии христианства на мировую литературу, о событиях библейской истории и христианских праздниках, что нашли свое отражение в литературных сюжетах, мотивах и образах. Исследователь отмечает значение Пасхи для православного вероисповедания, где «это праздник праздников, торжество из торжеств» [Захаров: 249]. Художественное воплощение Пасхи в литературе связано с различными моментами Священной истории и ее значением: идея воскрешения души проходит через многие произведения русской литературы (Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого). Вслед за В. А. Кошелевым В. Н. Захаров считает, что А. С. Хомяков создал первый пасхальный текст, перенеся действие английского рассказа Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» в Россию и заменив Рождество, праздник значимый для западного христианства, на русскую Пасху, что изменило смысл произведения и утвердило жанр пасхального рассказа в русской литературе [Захаров: 254]: «Пасхальный рассказ связан с праздниками всего Пасхального цикла от Великого поста до Троицы и Духова дня, а это прежде всего — назову главные — Великий пост, Страстная и Святая недели, Пасха, Вознесение, Троица, Духов день. Пасхальный рассказ назидателен: он учит добру

и Христовой любви; он призван напомнить читателю евангельские истины. Его сюжеты — “духовное проникновение”, “нравственное перерождение человека”, прощение во имя спасения души, воскрешение “мертвых душ”, “восстановление” человека. Два из трех названных признаков обязательны: приуроченность времени действия к Пасхальному циклу праздников и “душеспасительное” содержание. Иначе без этих ограничений если не все, то многое в русской литературе окажется пасхальным. Оба жанровых критерия важны не сами по себе, а в их взаимосвязи. Немало рассказов, приуроченных к Пасхе, не являются пасхальными именно по своему содержанию» [Захаров: 256].

И. А. Есаулов отмечает наличие особого Пасхального архетипа, его значимость для русской культуры [Есаулов: 12] и считает, что в России праздник Пасхи является главным, Его Воскрешение дает «надежду на преображение и здешнего земного мира» [Есаулов: 21]. В русской литературе, по мнению исследователя, складываются особый пасхальный сюжет, пасхальный хронотоп и жанр пасхального рассказа [Есаулов: 44].

В понимании сущности и характера праздника Пасхи во многом помогают работы Т. А. Агапкиной [Агапкина, 2002, 2009], [Агапкина, Белова], в которых раскрывается мировоззренческий концепт праздника и его мифологическая основа, рассказывается о народных традициях и ритуалах его проведения, одним из ведущих выделяется мотив обновления жизни и человека [Агапкина, 2009: 643]. Этот мотив становится ведущим в пасхальных рассказах.

В статье «Пасхальный жанр в русской литературе» (1994) В. Н. Захаров писал, что «история пасхального рассказа еще не написана» [Захаров: 256]. В настоящее время появились многочисленные исследования, посвященные изучению как истории жанра в русской литературе, так и анализу отдельных произведений (см., например: [Дмитренко], [Козлова], [Ранева-Иванова], [Старыгина], [Терехова], [Федорова] и др.). Разграничению и выявлению специфики жанров рождественского, святочного и пасхального рассказа посвящены работы, в которых прослеживается история указанных жанров

в XIX — начале XX вв. [Захаров]¹, [Калениченко], [Козина], [Николаева].

История развития и теоретические аспекты пасхального текста в русской литературе XIX в. рассмотрены в монографии С. Ю. Николаевой [Николаева]. Исследовательница выделяет пасхальные рассказы из календарной прозы, определяя их жанровые признаки, систему образов, основные мотивы, постоянные детали и символы.

В монографии, посвященной пасхальному архетипу, Т. Н. Козина называет первым произведением, где обозначена особая значимость Пасхи для русского человека, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя [Козина: 9]. Исследовательница указывает пасхальные тексты русской литературы как XIX, так и XX вв., на основе которых выделяет идейное содержание, цель, истоки, время, атрибуты, принципы развития сюжета, героев и особенности поэтики пасхального рассказа [Козина: 21]. По мнению Т. Н. Козиной, основной идеей пасхальных рассказов является преобразование человека, очищение от грехов, прощение своего обидчика и способность радоваться чужому счастью; а сюжетное развитие связано с ожиданием и верой в пасхальное чудо. Отметим важное в плане нашего исследования замечание ученого о том, что в начале XX в. происходят изменения пасхального жанра, появляются произведения с элементами комического, пародирующие праздничные ритуалы, утрачивается высокий смысл Светлого Воскресения. Идеей таких произведений становится «утверждение высоких нравственных требований к человеку через осмеяние бездуховности, пошлости, мещанства» [Козина: 23].

¹ «Литературное значение Рождества давно признано и писателями, и читателями: есть свой круг авторов и есть жанр “рождественского рассказа”. У нас его часто смешивают со “святочным рассказом”, хотя очевидно, что это не одно и то же, тем более что исконно западноевропейский “рождественский рассказ” и русский “святочный рассказ” говорят о разном: один — о христианских заповедях и добродетелях, другой — об испытании человека Злым Духом. Хронологическое совпадение — а оба жанра приурочены к Рождеству — имело свои последствия: русский святочный рассказ усвоил кое-что из “рождественского”, но их национальная и конфессиональная почва различна» [Захаров: 249].

Обратимся к творчеству А. И. Куприна. Можно заметить одну общую черту пасхальных рассказов писателя — события происходят в двух временных плоскостях: настоящем и прошлом, именно прошлое, воспоминания о детстве и юности являются сюжетной основой произведений Куприна. Американский ученый Х. Баран отмечает, что для пасхальных рассказов в целом характерны «воспоминания о праздниках в детстве и о более гармоничном, счастливом, чем во взрослом возрасте, состоянии души» [Баран: 287]. Добавим также замечание С. Ю. Николаевой о том, что образ детства — структурно значимый элемент художественного мира пасхального текста [Николаева: 220–221]. В ребенке еще долго сохраняется наивная и искренняя вера в чудо, он очень остро испытывает и переживает ту радость, которую несет с собой праздник, тогда как взрослый человек со временем теряет эту детскую веру в чудо; опустошенная жизнью, очерствелая душа становится холодной и неподвижной, как замечает герой купринского рассказа «Леночка», поэтому любимым героем купринских рассказов является мальчик-подросток или юноша, а воспоминания — сюжетной доминантой.

Так, в рассказе «Мой паспорт» главный герой вспоминает эпизод из своей молодости о приходе жандармов с обыском. Как пишут комментаторы, такой эпизод был в жизни самого писателя в 1905 г.: тогда были арестованы его рукописи к повести «Поединок»². Имеют прототипы герои рассказов «Леночка» и «Святая ложь». Воспоминания о московском вдовьем доме, где после смерти мужа находилась мать писателя, а вместе с ней в общей палате жил сам Куприн с трех лет до поступления в пансион, находят свое отражение в рассказах «Святая ложь» и «Пасхальные колокола». Действие большинства рассказов происходит в Москве и Киеве.

В раннем рассказе «Бонза» (1896) изображены пасхальная ночь, праздничный вид города с высокого и крутого обрыва: свет фонарей, сияющие колокольни церкви, белая с черными проталинами река навевают героям воспоминания о той

---

² Куприн А. И. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2006–2007. Т. 4. Повесть. Рассказы. Очерки. С. 495. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

искренней детской радости, которую вызывал некогда этот великий праздник. Откликом на легкую грусть и невысказанные размышления рассказчика становится история его приятеля, доктора Субботина. По словам рассказчика, доктор — неудачник, одинокий человек, которого неудачи не озлобили и не ожесточили, а придали его облику «отпечаток ленивой грусти» (1: 332). Доктор рассказывает историю из детства, которая произошла на Пасху и навсегда осталась в его памяти.

Это празднование Пасхи было особенным: помимо членов семьи на нем присутствовал жених старшей сестры доктора, тогда семилетнего мальчика. Свадьба сестры планировалась на Фомину неделю — в следующее же после Пасхи воскресенье. Жених сестры, морской офицер Николай Николаевич, стал кумиром для мальчика, которого завораживали рассказы о плавании и приключениях. Молодой офицер казался «образцом ума, силы и смелости», он с удовольствием возился с младшими детьми:

«Да и нельзя было не любить этого высокого, сильного, краснощекого красавца с оглушительным голосом и заразительным смехом, всегда готового возиться и школьничать» (1: 334).

Подарок Николая Николаевича своей невесте — бронзовой китайской пагоды — стал причиной незаслуженной детской обиды и сюжетной основой истории, рассказанной доктором.

Празднование Пасхи создавало особое настроение: «Все, что происходило дальше, слилось для меня в одно сплошное и сложное впечатление блеска и радости»; «блаженный сон», «ожидание чуда», «трепет радостного испуга» (1: 335). Подготовка праздника вызвала интерес и приятное волнение младших детей, что не позволило заниматься им своими привычными играми. Сдержанность взрослых, таинственные приготовления, праздничная одежда — все это придало торжественность и важность пасхальному празднику, а церковная служба заставила испытать великий восторг и радость. Но вопреки духу и смыслу праздника его завершением стала страшная обида, несправедливое наказание и слезы ребенка. Подарок жениха старшей сестре — бронзовая пагода с фарфоровым китайским бонзой внутри — оказался разбит, мальчик,

находящийся в это время в комнате, не мог его задеть и уронить, но испуганный ребенок не смог объяснить взрослым, как это произошло. На контрасте «ожидания чего-то чудесного, прекрасного и неожиданного» (1: 335) в этот праздничный день обидно и больно прозвучали упреки расстроенной сестры и рассерженного отца.

В сюжете пасхального текста обязательно должны присутствовать победа добра и любви над ненавистью и злобой, прощение своего обидчика во имя спасения души [Захаров: 256], [Козина: 15]. В этой истории праздник для мальчика закончился слезами и одиночеством вопреки духу главного христианского праздника: проповеди добра, любви, милосердия и семейного единения. Но, как пишет И. А. Есаулов, «пасхальную радость невозможно в русской традиции переживать в одиночку!» [Есаулов: 60]. Т. А. Агапкина отмечает, что Пасха воспринималась как праздник, определяющий жизнь человека и семьи на грядущий год [Агапкина, 2009: 642]. Можно предположить, что свадьба сестры так и не состоялась, морской офицер, полюбившийся мальчику, упоминается только как жених сестры, статуса мужа в рамках рассказа он так и не обретает. Празднование Пасхи собирало всю семью вместе, что «было залогом целостности на весь предстоящий год» [Агапкина, 2009: 643], но выведенный из-за праздничного стола и наказанный ребенок, прошедший праздничный день в одиночестве, говорит о разъединении, возможно, семейных потерях. Заметим, что рассказчик плохо помнит своего отца: «У меня мало о нем сохранилось воспоминаний» (1: 333).

С. Ю. Николаева одним из признаков пасхального текста называет счастливую развязку [Николаева: 29]. Финал рассказа «Бонза» носит, скорее, драматический характер. У взрослого человека, доктора, рассказавшего эту историю, она вызывает неоднозначные воспоминания. Печальные, потому что это первая встреча ребенка с несправедливостью, его бессилие и неспособность отстоять собственную правоту. Обида, которую когда-то пережил семилетний мальчик из-за случайно и не по его вине разбитого подарка, настолько сильная, что он не может забыть ее, будучи уже немолодым, дожившим до

седин человеком. Нежные, потому что эти воспоминания позволяют одинокому человеку вновь погрузиться в свое детство, оказаться рядом с родными и близкими людьми, испытать чувство единения со своей семьей.

В конце XIX в., как отмечают исследователи, пасхальные тексты свелись к однотипным сюжетам, и в начале XX в. сложилась тенденция к пародированию литературных штампов пасхального жанра: «жесткость формы привела в конце концов к однообразию сюжетных схем, породив избыточность и заштампованность пасхальных рассказов (появление “массовых” пасхальных текстов и пародий)» [Баран: 290], [Николаева: 34–35]. Возник кризис жанра, что отразилось и в творчестве Куприна.

Герой следующего рассказа «**По заказу**» (1901) — Илья Платонович Арефьев, известный фельетонист, «старый газетный волк» — оказался в странной для него ситуации. Нужно срочно сочинить рассказ для литературного альманаха в пользу детской санатории, а работа не идет, вдохновение не приходит. Он привык к язвительному обличительному тону и сейчас не может писать по-другому: ничто не затрагивает «в его сердце чувство милосердия, нежной и тихой радости» (3: 497), так необходимой для написания пасхального рассказа. Это задевает его профессиональное самолюбие. Он перебирает традиционные сюжеты пасхальных историй, но все они кажутся ему банальными и выглядят, скорее, как пародии на пасхальный рассказ. Как отмечает Д. А. Завельская, Куприн пародирует наиболее популярные в это время произведения [Завельская: 130]. Возможно, сказывается также специфика работы самого газетчика, привыкшего подмечать и высмеивать смешное, нелепое и т. п.

Увиденная фельетонистом в окно картина (облепившие витрину с праздничным угощением мальчишки) вызывает в памяти его собственное детство. Герой видит себя, сына соборного дьячка, живущего в глухом заброшенном городишке, на церковной Пасхальной службе, слышит церковное праздничное пение, идет по крутой лестнице, по которой он раньше поднимался на колокольню. Эти воспоминания очищают и освежают душу, происходит внутреннее преображение:

«Арефьев на несколько минут испытывает внутри себя чувство такой свежести, чистоты и ясности, как будто чья-то невидимая рука нежно и заботливо стерла с его души всю накопившуюся на ней копоть ненависти, зависти, раздраженного самолюбия, пресыщения и скуки» (3: 502).

Теперь появляется внутреннее ощущение праздника. Одни воспоминания потянули за собой другие: пасхальный праздник накануне смерти сына. От светлых и радостных моментов своей жизни он обращается к тем моментам прошлого, которые вспоминать мучительно больно. Известный, уважаемый, обеспеченный и благополучный сейчас Илья Платонович помнит страшный голодный период своей жизни, больного ребенка и праздник, который он смог подарить маленькому сыну на гонорар за публикацию своего первого большого рассказа. Роскошный праздничный стол, неожиданный праздник, возможно, были единственной радостью в короткой жизни умершего мальчика. Эти воспоминания сейчас вызвали слезы у Ильи Платоновича, но «он их не стыдился, потому что они дали ему на несколько минут чувство давно не испытанной, глубокой человеческой скорби, очищавшей и смягчающей сердце...» (3: 504). Очистительные слезы и образ больного ребенка, искренне радующегося празднику, сейчас дарят нужной настрой: они вызывают то необходимое для творчества состояние, «озноб вдохновения», которое так долго не приходило. Оборванные мальчишки за окном, толпившиеся около витрины магазина, вызывают теперь не злость и раздражение, а искреннюю жалость. Пропущенная через собственное сердце тема бедных и обездоленных детей, казавшаяся до этого такой избитой, становится темой нового фельетона «Улыбка ребенка», в котором Арефьев пишет о радости, счастье, семейном единении, что дарит этот Светлый праздник.

«**Мой паспорт**» (1908) имеет подзаголовок «*Пасхальное стихотворение в прозе*». Сюжет здесь как таковой отсутствует, перед читателем предстает мозаика из воспоминаний рассказчика о праздновании Пасхи в разные годы, толчком к которым становится паспорт с отметками проживания в разных городах. Сам рассказчик — немолодой человек, к которому «неслышными шагами подходит <...> старость»

(4: 306), накануне Пасхи вспоминает далекую молодость, в которой Пасха — это «светлый ликующий праздник: весна, солнце, новая любовь, песни, тепло и зелень» (4: 307). Вспоминает себя мальчишкой на колокольне, упивающимся от счастья, потому что можно звонить в самый большой колокол на праздник. Или он с компанией друзей в Киеве переходит из одной церкви в другую, церкви разных конфессий, но Пасха стирает разницу вероисповедания. Далее — пропущенное празднование, поскольку пришли жандармы с обыском (эпизод из жизни Куприна). Но сейчас тяжелые, драматические моменты жизни вызывают лишь улыбку: найденная схема стихотворения показала жандармам, не знакомым с ямбом и хореем, зашифрованной запиской. Позднее вспоминается любовное свидание на берегу Черного моря. «Мой паспорт» — произведение с особым настроением: в нем присутствует ностальгия по детству, юности и молодости, по тому упоению радостью и полнотой жизни, которые для них характерны. Воспоминания позволяют пережить все это заново, порождая разные оттенки чувств: светлую грусть и радость.

Сюжетом рассказа «**По-семейному**» (1910) становится совместное празднование Пасхи совершенно чужих людей, но живущих под одной гостиничной крышей. Проститутка Зоя приглашает постоянных жильцов номеров к себе в комнату «разговееца свяченой пасхой», как пишет она в приглашительной записке (4: 355). Пасха — традиционно семейный праздник. Несколько иронично звучит название рассказа, ведь за праздничным столом собралась разношерстная компания: бывший купец — игрок, проигравший свое состояние; запойный инженер; немец — техник; проститутка и рассказчик. У каждого из присутствующих непростая судьба, безденежье, бездомность, тоска и одиночество. Гостеприимство, человеческое внимание и забота, сочувствие и сопереживание объединило чужих, малознакомых людей. Они вместе встречают новый день, возникает ощущение обновленного мира:

«Было такое светлое, чистое праздничное утро, как будто кто-то за ночь взял и вымыл заботливыми руками и бережно расставил по местам: и это голубое небо, и пушистые белые облака на нем, и высокие старые тополи, трепетавшие молодой, клейкой, благоухающей листвой» (4: 357–358).

Все прониклись общим настроением, а воспоминания Зои о детстве, о праздновании Пасхи в деревне растрогали до слез старика-инженера. В этом обновленном мире не может быть грязи, боли, страдания. Поэтому откровенные намеки студента, увидевшего выходящих от проститутки Зои мужчин, вызывают у них естественное презрение. Пасхальная ночь пусть ненадолго, но подарила одиноким, побитым жизнью людям радость и тепло человеческого общения, наполнила опустошенные и израненные души живительными воспоминаниями.

С воспоминаний о своем детстве и желания увидеть дорогие сердцу места начинается история полковника Возницына из рассказа «**Леночка**» (1910):

«...его потянуло побывать в последний раз на прежних местах, ожить в памяти дорогие, мучительно нежные, обвеянные такой поэтической грустью воспоминания детства, растравить свою душу сладкой болью по ушедшей навеки, невозвратимой чистоте и яркости первых впечатлений жизни» (4: 362).

Но Москва, где прошло детство и юность героя, к его удивлению и сожалению, оставляет его холодным и равнодушным, увиденное не вызывает душевный трепет. Герой рассказа находится в пути: он едет из Петербурга в Крым, задерживаясь на несколько дней сначала в Москве, потом Киеве и Одессе. В страстную субботу полковник оказывается на пароходе, отправляющемся в Крым. Ночь приносит спокойный и крепкий сон, утро радуется «золотом восходящего солнца», чудесными морскими запахами, звонкими голосами матросов, а пасхальный стол, обильный и по-праздничному оформленный вызывает удивление: его украшения от движения парохода кажутся живыми.

То трогательное чувство ностальгии, которое он так хотел вновь пережить в Москве, принесет ему неожиданная встреча. В незнакомой женщине на палубе парохода он узнает свою первую любовь, и вторая часть рассказа окрашена трогательными сентиментальными чувствами нежности и умиления. Именно эти воспоминания, которые переносят главного героя на тридцать лет назад, заставляют вновь пережить смущающее и опьяняющее чувство первой любви, «любовного томления, буйных и горьких мечтаний, единиц и тайных слез» (4: 368);

увидеть в некрасивой и немолодой женщине юный, обаятельный и светлый образ молоденькой девушки. Воспоминания возвращают молодость, сейчас на пароходе уже не офицер, полковник генерального штаба, а «тот самый Коля, неуклюжий, застенчивый и обидчивый» (4: 365). Вспоминается одно из празднований Пасхи, кульминацией которой для героя стало его признание в любви, когда, возвращаясь с церковной службы, подростки остались наедине. Правда, в ответ на первый поцелуй ему пришлось услышать: «гадкий мальчишка» (4: 367). Но именно такими словами открещивается от воспоминания о первом поцелуе героиня, Елена Владимировна, она же Леночка. Ее дочь также зовут Леночка, и она во многом похожа на свою мать. Неожиданная встреча и воспоминания о юности принесли долгожданное очищение и душевное обновление герою рассказа.

После 1910 г. пасхальные рассказы написаны в комическом модусе, пасхальное воскрешение героев в них не всегда происходит. Горькая ирония звучит в словах героя из рассказа «**Пасхальные яйца**» (1911). Неудачник по жизни, он вспоминает об одном своем подарке на Пасху богатому родственнику, лишившего его навсегда наследства и поддержки родных. Как отмечают ученые, яйцо было самым распространенным пасхальным подарком [Агапкина, Белова: 628], но по ошибке или невнимательности на большом подарочном яйце, преподнесенном главным героем своему дяде, из пророщенных семян салата вместо подходящих случаю слов или поздравлений появляется обидная и обличительная для старика надпись о лысой голове. Герой рассказа испытывает и боль, и обиду, но в то же время покорно принимает свою судьбу. Пасхальное яйцо, имеющее сакральное значение, вместо оберега, очищения или новой богатой жизни, неслучайно принесло его дарителю только несчастье. По мнению исследователей, лопнувшее или испортившееся яйцо, а в рассказе Куприна оно оказалось осквернено не подходящей по случаю праздника надписью, предвещало его дарителю неблагополучие в дальнейшем [Агапкина, Белова: 628].

В рассказе «**Травка**» (1912) Куприн с иронией говорит о муках творчества при создании нового пасхального текста.

Комические названия, пародийные варианты сюжетов почти приводят к ссоре писателя с хорошим другом, редактором, которому он отказывает в написании нового рассказа. Спасают ситуацию неожиданные воспоминания о детстве, вызванные предложенным очередным названием. Детское искреннее, чистое и наивное восприятие красоты мира воскресает в общих воспоминаниях друзей, и первоначальная обида редактора сменяется слезами умиления, а у беллетриста рождается новый сюжет.

Творческий кризис и размышления писателя о специфике пасхального жанра отражены в рассказе «**Святая ложь**» (1914). Его герой Иван Иванович Семенюта — неудачник по жизни и козел отпущения, уличен в краже, которую он не совершал, вследствие чего он уволен со службы и оказывается практически на грани бедности и нищеты. В конце Куприн предлагает благополучный, но явно фантастический финал: признание на смертном одре настоящего вора, после которого начальник-генерал публично попросит у обиженного им подчиненного прощения. Завершает рассказ риторический вопрос автора:

«А ведь и в самом деле, бывают же в жизни чудеса! Или только в пасхальных рассказах?» (5: 230).

Для автора этого рассказа ответ, к сожалению, отрицательный. Пасхального чуда не происходит, оно обозначено только как возможность. Совершенная кража ломает жизнь герою, но обличение настоящего преступника мнится лишь как предполагаемый вариант благополучного разрешения, обязательного для пасхального жанра. Писатель понимает условность жанра; торжество человеческой любви и милосердия к людям, являющиеся главной составляющей пасхального текста, могут быть очень далеки от реальной жизни. Л. В. Крутикова отмечает, что многие рассказы Куприна 1912–1919 гг. окрашивает мотив безысходности и тон повествования в них лирический и одновременно горестно-иронический [Крутикова: 95].

Сатирическая зарисовка «**Папаша**» (1916) имеет подзаголовок «*Небылица*». Сюжетной основой становится изображение «странного» нового начальника министерства, который даже у старожил, повидавших за время своей службы

множество начальников, вызывает недоумение. Вначале он очаровал всех своей обходительностью, простотой и сумел завоевать любовь и доверие подчиненных, стать для них почти родным отцом, отсюда и прозвище, которым его окрестили, — папаша. Но упавший на него накануне Пасхи бюст французского философа Монтескье, полностью меняет личность генерала, так, что, вернувшись после праздника на службу, он как будто переродился. Из доброжелательного, щедрого и открытого начальника он превратился в грозного с громовым голосом, внушающего ужас и страх своим подчиненным, у которых невольно возникает вопрос:

«...когда был папаша сумасшедшим самодуром: до бюста или после бюста великого знатока духа законов — Монтескье?» (5: 285).

Комментаторы отмечают, что первоначально рассказ предназначался для рождественского номера, но был запрещен цензурой (5: 496), упоминаемый в первом варианте рассказа праздник был Рождеством. В данном случае для писателя важен не сам праздник и его атмосфера, целью становится именно сатира на высокопоставленных чиновников.

В эмиграции пасхальных рассказов у Куприна немного. О восстановлении справедливости повествует рассказ «Инна» (1926); о прошлом — «Московская Пасха» (1926) и «Пасхальные колокола» (1928).

В рассказе «**Инна**» (1926) главный герой только спустя три года узнает, почему ему было отказано от дома девушки, в которую он влюблен. Перед читателем разворачивается почти детективный сюжет, который представлен в двух временных плоскостях: настоящем и прошлом. В прошлом герой пережил отказ от дома возлюбленной, но не смог забыть свою любовь, что привело к мукам и страданиям на протяжении всего этого времени. В прошлом пережила обиду девушка, как ей казалось, на недостойного человека, предавшего ее чувства. Молодые люди становятся жертвами, по словам следователя, профессионального преступника, специалиста по шантажам и подлогам, что становится известно рассказчику только сейчас, в настоящем. Молодость, наивность и доверчивость приводят к страданиям рассказчика, как выясняется, из-за подложного письма друга, по непонятным

причинам обогнавшего его. Но чистота, преданность своей любви, деликатность и вера главного героя возвращают ему душевный покой и умиротворение. Хотя девушка обретает свое счастье с другим, встреча и объяснение Инны, открытие истины в Пасхальный день приносят необходимые облегчение и успокоение. Рассказ «Инна» — один из самых близких к жанровому канону пасхального рассказа: в финале происходит долгожданное примирение героев, духовное обновление человека, победа добра и любви над ненавистью и злобой, прощение своего обидчика, способность радоваться чужому счастью.

К юности, пронизывающим все существо счастьем и радостью, отсылают небольшие рассказы «**Московская Пасха**» (1926) и «**Пасхальные колокола**» (1928), которые позволяют писателю хотя бы на время почувствовать себя дома, на родине, в России. Вопреки чувству безысходности и ностальгии у Куприна, живущего в эти годы во Франции, рождаются светлые, радостные, даже ликующие по настроению произведения. «Московская Пасха» напоминает о первой любви юнкера Александровского училища к милой лукавой девушке и пасхальном поцелуе, который разрешает ее важная мама; а «Пасхальные колокола» передают особое приподнятое настроение, которое сопровождает весь пасхальный день, чувство «огромной радости, которой как будто бы пронизан весь свет: люди, звери, вещи, небо и земля» (9: 35). Сила памяти воскресила дорогие сердцу писателя моменты его жизни, позволила на краткий миг вернуться в далекую Россию. Как замечают исследователи: «...миниатюры характеризуются полным погружением сознания в “волшебное, упоительное” детство и “пьяную от весны” юность» [Тихомирова: 68]; «...воспоминания возвращают утраченное в безрадостном эмигрантском настоящем ощущение чуда, волшебства, счастья, испытанное когда-то в детстве и юности» [Шлемова: 247]. Просветление и преображение, которое несет Пасха, нужны самому автору; творчество становится тем спасением, что приносит свет и радость тоскующему вдали от Родины писателю.

Подводя итоги, заметим, что пасхальные рассказы проходят через все творчество Куприна и отражают тенденции, характерные для развития пасхального жанра в русской литературе в целом. Ранние рассказы указывают на кризис жанра: «Бонза» как будто противоречит пасхальному канону; ирония появляется в рассказах «По заказу», «Мой паспорт», «По-семейному», «Травка». Но в них также сохраняются обязательные элементы жанра: приуроченность к Пасхе, особое праздничное настроение, умиление и растроганность, душевное обновление героев. В некоторых рассказах 1911–1916 гг.: «Пасхальные яйца», «Святая ложь», «Папаша» — усиливается сатира, ирония переходит в сарказм. В эмиграции писатель вновь обращается к пасхальному жанру, содержанием которого становятся собственные воспоминания о юношеских впечатлениях и переживаниях. Как пишет Е. В. Душечкина, «сама установка эмиграции первой волны на традицию (сохранение языка, веры, обрядности, литературы) соответствовала ориентации рождественских и святочных (добавим — пасхальных. — М. Ж.) текстов на идеализированное прошлое, на воспоминания, на культ домашнего очага» [Душечкина: 250]. Мотив памяти является ведущим, воспоминания о детстве или юности становятся сюжетной основой большинства пасхальных рассказов Куприна. Воспоминания могут быть разными, не всегда радостными и счастливыми, но именно переживание этих воспоминаний и погружение в прошлое создают особое праздничное настроение, дарят надежду на духовное очищение и преображение.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
2. Агапкина Т. А. Пасха // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 641–646.
3. Агапкина Т. А., Белова О. В. Яйцо Пасхальное // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. 2012. Т. 5. С. 626–632.
4. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 284–328.

5. Дмитренко С. Ф. Рождественские и пасхальные темы в литературном наследии Ю. П. Миролюбова // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 629–646 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456475296.pdf (10.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3001
6. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: СПбГУ, 1995. 256 с.
7. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
8. Завельская Д. А. Мотив чуда в изображении христианского праздника русской литературной традицией // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 125–140.
9. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1994. Вып. 3. С. 249–261 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (10.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403
10. Калениченко О. Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла). Волгоград: Перемена, 2000. 231 с.
11. Козина Т. Н. Эволюция пасхального архетипа. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2019. 80 с.
12. Козлова Я. О. Жанр пасхального рассказа: завершение духовно-нравственных исканий А. П. Чехова («Святою ночью», «Студент», «Архиерей») // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2021. Т. 20. № 2. Филология. С. 120–127.
13. Крутикова Л. В. А. И. Куприн. Л.: Просвещение, 1971. 116 с.
14. Николаева С. Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века. М.; Ярославль: Литера, 2004. 360 с.
15. Ранева-Иванова М. К проблеме теории и метода изучения христианского мотива в прозе А. П. Чехова (о значении пасхального мотива в рассказе «Казак») // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 484–492 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2552> (10.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2552
16. Старыгина Н. Н. Праздник Пасхи как социокультурный текст в рассказе «Фигура» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 207–231 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568197290.pdf (10.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6382
17. Ташлыков С. А. Московский текст Александра Куприна // Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей / под ред. Н. М. Малыгиной. М.: ГОУ ВПО МГПУ, 2010. Вып. 5. С. 48–61.
18. Терехова О. М. Пасхальные рассказы Ю. Л. Слезкина // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2010. № 1. С. 35–42.
19. Тихомирова А. О. «Рассказы в каплях»: к вопросу о тенденциях художественного сознания А. И. Куприна // Вестник Московского государственного университета. Сер. Русская филология. 2013. № 5. С. 65–69.

20. Федорова Е. А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике писателя» (1876) Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 258–282 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (10.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182
21. Шлемова Н. Н. Малая эмигрантская проза в зеркале исторической эпохи // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22-1. С. 244–250.

References

1. Agapkina T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letniy tsikl* [Mytho-Poetic Bases of Slavic Folk Calendar. The Spring-Summer Cycle]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 816 p. (In Russ.)
2. Agapkina T. A. Easter. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, vol. 3, pp. 641–646. (In Russ.)
3. Agapkina T. A., Belova O. V. Easter Egg. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012, vol. 5, pp. 626–632. (In Russ.)
4. Baran Kh. Pre-revolutionary Holiday Literature and Russian Modernism. In: *Baran Kh. Poetika russkoy literatury nachala XX veka* [Baran H. Poetics of Russian Literature of the Beginning of the 20th Century]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1993, pp. 284–328. (In Russ.)
5. Dmitrenko S. F. Christmas and Easter Themes in the Literary Heritage of Yuriy Mirolyubov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2015, issue 13, pp. 529–646. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456475296.pdf (accessed on August 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3001 (In Russ.)
6. Dushechkina E. V. *Russkiy svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra* [The Russian Yuletide Short Story: Formation of Genre]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1995. 256 p. (In Russ.)
7. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
8. Zavel'skaya D. A. The Motif of the Miracle in the Christian Holiday's Imagery of Russian Literary Tradition. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2019, vol. 51, pp. 125–140. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Easter Short Story as a Russian Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1994, issue 3, pp. 249–261. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed on August 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403 (In Russ.)
10. Kalenichenko O. N. *Sud'by malykh zhanrov v russkoy literaturе kontsa XIX — nachala XX veka (svyatochnyy i paskhal'nyy rasskazy, modernistskaya novella)* [The Fate of Small Genres in Russian Literature of the Late 19th —

- Early 20th Centuries (Yuletide and Easter Stories, Modernist Novella)*. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 231 p. (In Russ.)
11. Kozina T. N. *Evolutsiya paskhal'nogo arkhetypa [The Evolution of the Easter Archetype]*. Tambov, Konsaltingovaya kompaniya Yukom Publ., 2019. 80 p. (In Russ.)
  12. Kozlova Ya. O. The Easter Short Story Genre as the Result of Spiritual and Moral Strivings of A. P. Chekhov (On the Night Before Easter, Student, and Bishop). In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik NSU]*, 2021, vol. 20, no. 2: Philology, pp. 120–127. (In Russ.)
  13. Krutikova L. V. A. I. *Kuprin*. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1971. 116 p. (In Russ.)
  14. Nikolaeva S. Yu. *Paskhal'nyy tekst v russkoy literature XIX veka [Easter Text in the Russian Literature of the 19th Century]*. Moscow, Yaroslavl, Litera Publ., 2004. 360 p. (In Russ.)
  15. Raneva-Ivanova M. Theory and Method of Studying the Christian Motif in Anton Chekhov's Prose (The Meaning of Esater Motif in His Novel "The Cossack"). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 1998, issue 5, pp. 484–492. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2552> (accessed on August 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2552 (In Russ.)
  16. Starygina N. N. The Feast of Easter as a Socio-Cultural Text in the Story "Figura" ("Figure") of N. S. Leskov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 207–231. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568197290.pdf (accessed on August 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6382 (In Russ.)
  17. Tashlykov S. A. Moscow Text by Alexander Kuprin. In: *Moskva i «moskovskiy tekst» v russkoy literature. Moskva v sud'be i tvorchestve russkikh pisateley [Moscow and the «Moscow Text» in Russian Literature. Moscow in the Fate and Works of Russian Writers]*. Moscow, Moscow City University Publ., 2010, issue 5, pp. 48–61. (In Russ.)
  18. Terekhova O. M. Easter Short Stories by Yu. L. Slezkin. In: *Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]*, 2010, no. 1, pp. 35–42. (In Russ.)
  19. Tikhomirova A. O. "Short Stories in Drops": on Trends in Artistic Vision of A. Kuprin. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology]*, 2013, no. 5, pp. 65–69. (In Russ.)
  20. Fedorova E. A. Church Calendar, Gospel and Liturgical Text in the Novel "The Raw Youth" and "A Writer's Diary" (1876) by Fyodor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 258–282. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (accessed on August 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182 (In Russ.)

21. Shlemova N. N. Small Emigration Prose in the Mirror of an Historical Era. In: *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [*Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*], 2017, no. 22-1, pp. 244–250. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жиркова Марина Анатольевна, Marina A. Zhirkova, PhD (Philology), кандидат филологических наук, Associate Professor of the Department of Journalism and Literary Education, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Петербургское шоссе, 10, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация, 196605); ORCID: 0000-0003-4107-6944; e-mail: manp@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 18.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.01.2022

Принята к публикации / Accepted 16.01.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022